

**На правах рукописи
УДК 811. 111**

Пашков Сергей Михайлович

**ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДОМИНАНТЫ
СТРАХА В НЕОГОТИЧЕСКОМ РОМАНЕ**

Специальность: 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт - Петербург
2017 г.

Работа выполнена на кафедре английской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

**Научный
руководитель:**

Щирова Ирина Александровна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой английской филологии
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена»

**Официальные
оппоненты:**

Толочин Игорь Владимирович доктор
филологических наук, профессор кафедры
английской филологии и лингвокультурологии
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Санкт-
Петербургский государственный университет»

Серова Ирина Георгиевна кандидат филологических
наук, профессор кафедры английской филологии
государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования Ленинградской
области «Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина»

**Ведущая
организация:**

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-
педагогический университет»

Защита состоится «14» июня 2017 года в ___ часов, на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.199.05, созданного на базе Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корпус 14, ауд. № 314.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: http://dissert.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000000343.html

Автореферат разослан «___» _____ 2017 года.

Учёный секретарь Совета

Гурочкина Алла Георгиевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено эмоциональной доминанте (далее ЭД) страха и языковым средствам ее моделирования в литературной коммуникации, осуществляемой посредством текста неоготического романа (далее НГР). Под ЭД понимается эмоция, доминирующая в художественном тексте (В. А. Пищальникова, В. И. Шаховский).

Актуальность исследования ЭД подтверждается субъектными стилями современного гуманитарного мышления, интересом антропомерной науки к эмоциональной сфере личности и активным развитием эмотиологии, признающей изучение ЭД одной из своих приоритетных задач. Художественное осмысление ЭД и междисциплинарный характер её описания коррелируют с вниманием когнитивной парадигмы к моделированию как методу научного познания и выходом современной лингвистики в междисциплинарное пространство. Об актуальности исследования свидетельствует широкая распространенность и востребованность у читательской аудитории текстов НГР, составляющих иллюстративный материал диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования

На современном этапе развития науки накоплен солидный теоретический и практический материал, посвященный изучению различных аспектов репрезентации эмоций в языке и речи: лексикологический (Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, Л. Н. Иорданская, Н. А. Лукьянова, М. В. Никитин, М. С. Ретунская, В. И. Шаховский, Д. Н. Шмелев и др.); синтаксический (О. А. Александрова, А. А. Зализняк, Г. А. Золотова, Л. А. Пиотровская и др.); текстовый (Т. В. Адамчук, Е. В. Бирюкова, В. И. Болотов, В. В. Воинова, В. В. Жура, С. В. Ионова, О. Е. Филимонова, В. И. Шаховский, И. А. Щирова и др.); психолингвистический (Е. Е. Власова, А. В. Кинцель, В. А. Маслова, Е. Ю. Мягкова, В. А. Пищальникова, Е. Е. Роговская и др.); лингвокультурологический (С. Г. Воркачев, Н. А. Красавский, В. И. Карасик, З. Е. Фомина, А. Вежбицкая, Z. Kövecses, A. Ortony, G. Clore, A. Collins и др.).

Особый интерес для лингвиста представляют языковые средства репрезентации эмоций в художественном тексте. Языковая репрезентация эмоций изучалась на материале текстов разной жанровой и функционально-стилевой принадлежности: сказок, эссе, писем, благотворительных и поэтических текстов (О. Е. Филимонова), текстов психологической прозы (И. А. Щирова), англоязычной драмы (Н. А. Синтоцкая) и детской литературы (В. В. Воинова), политических текстов (Е. В. Бирюкова), рекламных текстов (О. А. Шевченко) и др.

ЭД, наличие которой в структуре текста постулируется психолингвистами и эмотиологами (М. В. Антропова, Л. Г. Бабенко, В. П. Белянин, Е. Е. Власова, А. В. Кинцель, В. А. Пищальникова, Е. Е. Роговская, В. И. Шаховский), рассматривается в науке как жанровая или, в собственно лингвистической терминологии, текстотипологическая характеристика. Типологическая маркированность ЭД в тексте востребованного читательской аудиторией НГР [Смирнов, 2008: 135; Bradbury, 2001: 537] определяется спецификой его

предметно-тематической и структурно-композиционной организации и, в частности, изображением ненормативности в сфере человеческих отношений, формирующей «культуру страха» (Ф. Фуреди) и отражающей проблемы современного общества.

Проблема готического романа, модификацией которого признается НГР, получила широкое освещение в западноевропейском и американском литературоведении. Исследовано тематическое наполнение готических романов [Уэллек, Уоррен, 1978; Beville, 2009; Birkhead, 1921; Bloom, 2001; Botting, 2005; Cooper, 2010; Hogle, 2000; Hume, 1969; Lovecraft, 1945; Malin, 1962; Punter, Вугон, 2004; Williams, 1995 и др.], их жанровый канон [Полякова, 2006], хронотоп [Заломкина, 2003] и типы [Ладыгин, 1981; Summers, 1938; Varma, 1957]. Описано влияние особенностей предромантизма на поэтику литературной готики [Грифцов, 1926; Елистратова, 1945; Жирмунский, 1967; Соловьева, 2005; Тураев, 1983] и готики - на русскую литературу [Вацуро, 2002]. В диссертационных исследованиях литературоведческой направленности анализировалось творчество классиков готической прозы: А. Радклиф [Антонов, 2000; Черенкова, 1987; Ясакова, 2002], Мэри Шелли [Павлова, 2011], Ч. Б. Брауна [Иванова, 2001], Ч. Р. Метьюрина [Макарова, 2001] и Дж. Ш. Ле Фаню [Водолажченко, 2008]; выявлялись «готические» мотивы в творчестве В. Скотта [Малкина, 2001], Д. Гарднера [Борышнева, 2004], А. Картер [Родионова, 2001], Дж. К. Оутс [Ковалькова, 2001; Вечканова, 2011], А. С. Пушкина [Барский, 2002; Супоницкая, 1999] и Ч. Диккенса [Черномазова, 2010]; рассматривалась категория «фантастического» в готическом романе [Григорьева, 1988].

Лингвистические особенности литературной готики изучены менее подробно. Так, исследовались жанрообразующая лексика черного (готического) романа [Петрова, 2002] и его интертекстуальный хронотоп [Троицкая, 2008]. Готический роман выступал материалом для разработки механизмов и лингвопоэтических оснований для создания стилизованного перевода [Семенюк, 2003].

НГР, появившийся в результате эволюции готического романа, также изучался преимущественно в литературоведении, где рассматривалась тематика неоготических текстов [Snodgrass, 2005], художественное своеобразие «неоготических» произведений А. Мердок [Никифорова, 2007] и повествовательные техники в творчестве П. Макграта [Antor, 2001]. Самостоятельным объектом научного описания текст НГР в работах лингвистической направленности не выступал, за небольшим исключением [Кузина, 2012].

Объектом исследования является эмоция страха, моделируемая в тексте НГР в качестве доминантной эмоции.

Предмет исследования - языковые средства моделирования ЭД страха.

Цель исследования заключается в выявлении, анализе и систематизации лингвистических средств, формирующих художественную модель ЭД страха в текстах НГР.

Достижение указанной цели требует решения следующих **задач**:

- 1) изучить научные подходы к проблеме определения фундаментальной эмоции и охарактеризовать в качестве таковой эмоцию страха;
- 2) рассмотреть языковые средства, объективирующие эмоцию страха в художественном тексте;
- 3) проанализировать содержательное наполнение понятий доминанты и ЭД;
- 4) описать генезис, предметно-тематическую и структурно-композиционную организацию НГР, определяющие поэтапность моделирования ЭД в данном типе текста;
- 5) разработать схему языкового моделирования ЭД страха в тексте НГР и апробировать её на иллюстративном материале;
- 6) проанализировать различные виды ненормативности как причины страха и выявить языковые средства их моделирования;
- 7) выявить и систематизировать языковые средства, репрезентирующие динамический характер ЭД;
- 8) описать оппозицию «свое-чужое» в качестве концептуальной основы моделирования корреляций между динамикой эмоции страха и пространственной организацией неоготического текста.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют труды отечественных и зарубежных ученых в следующих областях научного знания:

- *теория эмоций* (Л. С. Выготский, К. Э. Изард, Е. П. Ильин, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, П. М. Симонов, Ф. Риман, З. Фрейд, Р. Екман);
- *теория эмотивности* (Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, В. И. Болотов, А. Вежбицкая, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, С. В. Ионова, Л. Н. Иорданская, Н. А. Красавский, Е. Ю. Мягкова, Л. А. Пиотровская, М. С. Ретунская, О. Е. Филимонова, В. И. Шаховский);
- *теория лингвистической семантики* (И. В. Арнольд, М. В. Никитин, А. И. Смирницкий, З. А. Харитончик);
- *теория доминанты* (Л. Г. Бабенко, В. П. Белянин, А. В. Кинцель, В. А. Пищальникова, Ю. Н. Тынянов, А. А. Ухтомский, Б. Христиансен, В. И. Шаховский, Д. Н. Узнадзе, Б. М. Эйхенбаум, Р. Якобсон);
- *художественное моделирование действительности* (Л. Я. Гинзбург, В. Ю. Клейменова, А. Ф. Лосев, О. Е. Филимонова, В. И. Шаховский, И. А. Щирова) и, в частности, *концепция вторичных моделирующих систем* Ю. М. Лотмана;
- *концепции диалогизма*, включая исследования, в которых рассматривалась проблема содержания и языковой репрезентации оппозиции «свой-чужой» (Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, И. М. Гасанова, Ю. М. Лотман, М. Н. Петроченко, И. С. Выходцева, А. А. Матвеева, Ю. С. Степанов, Т. В. Цивьян);
- *теория и лингвистика текста* (И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, И. Р. Гальперин, Е. А. Гончарова, Ю. Н. Караулов, В. А. Кухаренко, Ю. М. Лотман, Н. А. Николина, З. Я. Тураева, И. А. Щирова);

- *литературоведение* (В. Э. Вацуро, Е. В. Григорьева, Т. Н. Денисова, В. М. Жирмунский, Г. В. Заломкина, Т. Н. Красавченко, М. Б. Ладыгин, О. Е. Осовский, Н. А. Соловьёва, Н. Д. Тamarченко, E. Birkhead, F. Botting, S. Bruhm, J. E. Hogle, D. Punter, M. Summers, D. P. Varma);
- *философия* (Аристотель, М. М. Бахтин, С. Кьеркегор, С. А. Левицкий, Сенека, М. Хайдеггер).

Важными для диссертационного исследования являются положения современной науки о моделировании как методе, позволяющем описать природу квазисознания, воспроизведенного в тексте с помощью художественных средств, на основе природы когнитивной системы реального разума и её базовых составляющих [Щирова, 2013].

Междисциплинарный характер исследования предопределил использование **комплексной методики**, включающей элементы компонентного и многоступенчатого дефиниционного анализа, контекстуального анализа и лингвостилистической интерпретации художественного текста с привлечением факторов широкого историко-культурного контекста.

Материалом исследования послужили НГР англоязычных писателей XX века Д. Дюморье ('Jamaica Inn', 'Rebecca'), А. Мердок ('The Unicorn'), С. Кинга ('The Shining') и П. Макграта ('Spider'). Общий объем проанализированного материала составил 1637 страниц.

Положения, выносимые на защиту:

1) Языковое моделирование эмоции страха, доминирующей в тексте неоготического романа, включает три этапа: моделирование причин страха; моделирование динамики эмоции страха; моделирование корреляций между динамикой эмоции страха и пространственной организацией неоготического текста.

На всех этапах моделирования доминирующая эмоция представляется эксплицитно или имплицитно.

2) Причинами эмоции страха в тексте неоготического романа выступают различные виды ненормативности, обусловленные его предметно-тематическим содержанием: психическая, социальная и информационная.

К языковым средствам моделирования причин страха относятся языковые средства, обозначающие: а) психические заболевания и связанные с их лечением медицинские профессии, учреждения и средства; б) преступление и его виды, преступные действия, преступников и их типы, наказание и его виды; в) скрытый, неопределенный или необычный характер информации.

3) Моделирование динамики доминирующей эмоции страха отображает его нагнетание, кульминативный характер и угасание. Нагнетание и угасание эмоции репрезентируется с помощью языковых средств со значением начала, продолжения и прекращения действия, а также посредством языковых единиц, в значении которых интенсифицируется или деинтенсифицируется сема «fear». Кульминация страха моделируется с помощью языковых средств, воспроизводящих его краткость, неконтролируемость, интенсивность и внезапность.

4) Концептуальной основой моделирования корреляций между динамикой эмоции страха и пространственной организацией неоготического текста выступает универсальная оппозиция «свое-чужое». «Свое» и «чужое» пространства моделируются с помощью языковых единиц с локальной семантикой и включают в себя языковые маркеры: а) «своего» пространства, репрезентирующие отсутствие страха; б) приближения к «чужому» пространству, репрезентирующие нагнетание страха; в) «чужого» пространства, репрезентирующие кульминацию страха; г) удаления от «чужого» пространства, репрезентирующие угасание страха.

5) Разновекторный характер оценочной направленности эмоциональной доминанты страха формируется отрицательной оценочной направленностью преддоминантных эмоций, нагнетающих доминантную эмоцию, и положительной оценочной направленностью постдоминантных эмоций, гасящих ее.

Научная новизна. Анализ языковых репрезентантов эмоции страха в тексте НГР впервые основывается на динамике реальных эмоциональных процессов, а именно на их нагнетании, кульминации и угасании. Разноуровневые языковые и речевые средства с фазовой семантикой впервые являются компонентом художественной модели ЭД страха, фиксирующей ее динамику. Впервые разрабатывается схема языкового моделирования ЭД страха, а концептуальной основой для систематизации реализующих её языковых средств выступает универсальная оппозиция «свое-чужое». Причины эмоции страха в тексте НГР и описывающие их языковые средства также ранее не исследовались.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в общую теорию языкового моделирования когнитивных процессов: основные положения и выводы диссертации способствуют осмыслению таких актуальных для эмотиологии понятий, как «эмоциональная доминанта», «эмоциональная каузальность», «моделирование эмоций», «эмотивный текст». Языковое моделирование ЭД в ее динамике углубляет научные представления о специфике эмоциональной языковой личности, продуцирующей и интерпретирующей эмотивные тексты. Изучение ЭД с учетом предметно-тематической и структурно-композиционной специфики НГР вносит вклад в уточнение его текстотипологических характеристик и в развитие текстотипологических исследований в целом. Исследование способствует осмыслению взаимосвязи категорий фазовости и эмотивности, а также репрезентации различных форм диалогичности мышления, сопряженных с динамикой эмоций в процессе познания.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при исследовании особенностей вербализации ЭД различных фундаментальных эмоций (напр., радости, гнева, отвращения) на материале текстов другой жанровой отнесенности и иных функциональных стилей. Результаты и выводы исследования могут найти применение в вузовской практике: при разработке лекционных и практических курсов по эмотиологии и стилистике английского языка, для проведения занятий

по аналитическому чтению, а также при написании исследовательских работ разного уровня.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается тщательной обработкой фактического материала (свыше 1600 стр.), а также использованием комплексной методики обработки языкового материала, адекватной предмету, задачам и этапам исследования.

Апробация результатов исследования. Концепция работы, ее основные теоретические положения и выводы были представлены на заседаниях кафедры английской филологии РГПУ им. А. И. Герцена, круглом столе с международным участием «Никитинские чтения – 2013» и на конференции «Герценовские чтения» в РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург 2012, 2013, 2014, 2015, 2016), а также на 18-ой университетской выставке научных достижений РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, 22-24 апреля 2014 г.), где работа была награждена дипломом второй степени в номинации «Разработка аспирантов в области гуманитарных и общественных наук». По теме исследования опубликовано 10 научных работ (2.2 п. л.), в том числе материалы 5 конференций и 5 статей, из них 3 статьи – в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Объем и структура диссертационного исследования. Содержание диссертации изложено на 214 страницах машинописного текста и включает введение, три главы, сопровождающиеся выводами, заключение. Библиографический список содержит 338 источников, из них 40 на английском языке, словари и источники фактического материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертационного исследования, актуальность и научная новизна, определяются цель, задачи и теоретико-методологическая база исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Эмоциональная доминанта страха в контексте основных понятий эмотиологии**» излагаются основные теоретические положения, формирующие междисциплинарную научно-теоретическую базу исследования. С опорой на научные труды в области психологии, философии, литературоведения и лингвистики уточняется онтология рационального и эмоционального в психике человека и описывается их влияние на эстетическую речевую деятельность; освещаются причины, телесные реакции и функции фундаментальной эмоции страха; рассматриваются языковые средства, объективирующие страх в художественном тексте и характеризуются особенности эмоционального сценария; исследуется содержательное наполнение понятий доминанты и ЭД.

На современном этапе развития науки постулируется единство эмоционального и рационального в психике человека. Эмоции определяются как психические процессы и состояния, связанные с инстинктами, потребностями и мотивами (А. Н. Леонтьев) и регулирующие деятельность, в том числе речевую.

Вместе с тем, общепринятые определения терминов «эмоция», «чувство» и «ощущение» в науке отсутствуют, а обозначаемые ими понятия сложны и не имеют четко очерченных границ. Как следствие, в работе, вслед за Н. А. Красавским и В. И. Шаховским, термин «эмоция» трактуется как родовой, т. е. включающий в себя понимание чувства и ощущения.

Эмоция страха относится к фундаментальным эмоциям, имеющим глубокие филогенетические корни, и характеризуется фазовостью протекания, т.е. нагнетанием, кульминацией, угасанием и универсальностью, т.е. идентичностью причин страха и реакции на него (С. Е. Izard, Р. Ekman). Природа эмоции страха находит отражение в работах лингвистической направленности, где страх признается языковой универсалией; его характеристики фиксируются в языке и воспроизводятся в художественном тексте как во вторичной моделирующей системе (Ю. М. Лотман).

Изучение эмоций в лингвистике связывается с реализацией категории эмотивности, свойством которой является отображение эмоций. Как и иные эмоции, страх может быть вербализован через описание, выражение или обозначение (В. И. Шаховский) и представлен эксплицитно или имплицитно с помощью художественных деталей, имплицитных «чувствующее Я» (И. А. Щирова). Динамика эмоции страха, т.е. её нагнетание, кульминация и угасание моделируется в тексте посредством языковых единиц, в значении которых интенсифицируется (*horror, terror*) или деинтенсифицируется (*indifference, peace*) сема «fear», а также с помощью языковых/речевых средств с фазовой семантикой. Маркируя начало или окончание определенного явления/ситуации, средства с фазовой семантикой указывают на изменение эмоции. На лексическом уровне фазовая семантика актуализируется преимущественно обстоятельственными лексическими показателями фазовости (*suddenly, now*) (Д. В. Кузнецов) и лексикой, семантика которой предполагает идею фазовости (*sudden, strange*); на грамматическом уровне - видо-временными формами глагола (*had vanished, have lost*). Контекстное выражение идеи фазовости реализуется через описание текстовой ситуации, интерпретация которой позволяет делать выводы об изменении эмоционального состояния персонажа. Наивысшая степень страха моделируется в тексте посредством языковых средств, воспроизводящих в художественной форме онтологические свойства аффекта страха: краткость (*for a while, for a few seconds*), неконтролируемость (*shivering, paralysed*), интенсивность (*terror, horror*) и внезапность (*panic*) (А. Н. Леонтьев, Е. П. Ильин, Е. М. Вольф).

При анализе эмоции страха на уровне текста целесообразно обратиться к понятию *эмоционального сценария*, трактуемого в науке как ряд развивающихся, темпорально и каузально соотнесенных между собой событий (R. Dirven, R. Pörings). Эмоциональный сценарий отражает динамику сложных объектов и происходящие в них изменения (М. В. Никитин) и позволяет упорядочить лингвистический анализ причины эмоции как сложного динамического процесса. Реализация эмоционального сценария в тексте представляет собой процесс поэтапной актуализации изображенной ситуации, в которой персонаж, согласно интенции автора, испытывает определенные эмоции. Базовыми

компонентами эмоционального сценария называются «причина» (*Something behind her*), «эмоция» (*She was afraid*) и «реакция» (*She stood paralysed*) (Ю. Д. Апресян, R. Dirven, Z. Kövesces). В настоящем исследовании страх, формирующий базовый компонент эмоционального сценария «эмоция», описывается в качестве доминирующей эмоции (ЭД).

Учение о доминанте (А. А. Ухтомский) рассматривается сегодня как методологическая база описания закономерностей существования любого живого организма, включая человека и его сознание. Высокая эвристическая ценность понятия доминанты доказывается её интенсивным осмыслением в различных областях научного знания, в том числе в гуманитарных науках. В эстетике, литературоведении и лингвистике под доминантой понимается компонент в структуре художественного произведения, функционально направленный на управление, организацию, подчинение и приведение в движение художественного целого (Я. Мукаржовский, Ю. Н. Тынянов, Б. Христиансен, Б. М. Эйхенбаум, Р. Якобсон).

Экстраполяция понятия доминанты на сферу эмотивных смыслов художественного текста, под которыми понимаются отраженные в тексте эмоции (В. И. Шаховский), позволяет сделать вывод об актуализации в нем ЭД. Функциональная направленность ЭД заключается в обеспечении эмотивной целостности текста. В диссертации ЭД определяется как *поэтанно* актуализируемая в художественном тексте преобладающая эмоция, вербализуемая эксплицитно или имплицитно и имеющая оценочную направленность, коррелирующую с пространственной организацией НГР. Оценочная направленность ЭД страха формируется отрицательной оценочной направленностью преддоминантных эмоций (ПРЕД-Э), нагнетающих отрицательную доминантную эмоцию страха (Д-Э), и положительной оценочной направленностью постдоминантных эмоций (ПОСТ-Э), гасящих ее. Разнонаправленный оценочный вектор эмоций в структуре ЭД определяется предметно-тематической и структурно-композиционной организацией текста НГР.

Во второй главе «**Эмоциональная доминанта страха в контексте типологических характеристик неоготического романа**» описываются основные положения моделирования как метода научного познания, художественный текст рассматривается как вторичная моделирующая система; уточняется предметно-тематическая и структурно-композиционная организация текста НГР и обосновывается целесообразность ее учета при моделировании ЭД страха; оппозиция «свое-чужое» характеризуется в качестве концептуальной основы моделирования корреляций между динамикой эмоции страха и пространственной организацией неоготического текста; рассматриваются особенности тематического подхода в его проекции на текстовую семантику.

Модель – «аналог познаваемого объекта, заменяющий его в процессе познания» (Ю. М. Лотман). К сущностным характеристикам модели относятся сходство с объектом-оригиналом, способность замещать его в процессе познания и, предоставляя о нем новую информацию, воспроизводить его структуру и функцию. Языковое моделирование ЭД в тексте НГР как вторичной

моделирующей системе реализуется на основании отношения сходства между реальными эмоциями и их художественными аналогами; параметры ЭД (поэтапность актуализации и оценочная направленность) отражают природу реальных эмоциональных процессов и позволяют говорить об отношении сходства между художественным миром неоготических текстов и внетекстовой действительностью.

НГР является модификацией готического романа. Он возникает в рамках английского предромантизма как вызов панрациональности просветителей. Важными типологическими характеристиками текста НГР называются ненормативные/аномальные процессы и явления в сфере человеческих отношений, формирующие предмет изображения (предметно-тематическую организацию) (Т. Н. Денисова, Т. Н. Красавченко, М. Е. Snodgrass), и циклическая схема сюжетодвижения, характеризующая структурно-композиционную организацию (А. А. Полякова, Н. Д. Тамарченко).

Причины страха, определяющие предметно-тематическую организацию текста НГР, объединяются общим понятием ненормативности и образуют базовый компонент эмоционального сценария «причина». Необходимость включения в осмысление готики понятия ненормативности объясняется тем, что эстетический феномен готики изначально воспринимался как «вершина варварского и дурного» (Шефтсбери), что позволяло противопоставлять его «образцовому» искусству античности. Это понимание отразилось и на восприятии готической\неоготической литературы (Р. McGrath).

Исходя из трактовки нормы как «такой характеристики объекта, которая осознается человеком как правильная, обычная и наиболее распространенная» (Н. Д. Федяева), ненормативность можно определить как такую характеристику объекта, которая осознается человеком как неправильная, необычная и наименее встречаемая. Ненормативность в сфере человеческих отношений, связываемая в науке с литературой поздней готики (Т. Н. Денисова, Т. Н. Красавченко, М. Е. Snodgrass), подразумевает неправильность (аномальность) этих отношений, их необычность и нетипичность. Анализ тематического наполнения текстов НГР позволил выделить три вида ненормативности в сфере человеческих отношений, вызывающие, согласно авторской интенции, страх персонажа: *психическую* ненормативность как характеристику психического состояния персонажа (*breakdown, schizophrenia*); *социальную* ненормативность как характеристику морально-правового состояния персонажа (*wrecker, kill*) и *информационную* ненормативность как характеристику эпистемического состояния персонажа (*mystery, strange*). Эти виды ненормативности вызывают эмоцию страха у человека в реальной действительности, находят обоснование в психологических исследованиях (В. П. Симонов, К. Э. Изард, Э. Блейлер) и закономерно моделируются в тексте. Все выделенные виды ненормативности обозначаются тематической лексикой, характеризующейся наличием семы 'ненорма'.

Циклическая схема сюжетодвижения, характеризующая структурно-композиционную организацию текста НГР и коррелирующая с доминирующей в нем атмосферой страха, имеет трехчастную структуру: среднее звено в ней связано с пребыванием персонажа в «чужом» для него пространстве, а первое и

третье – с отправкой в «чужое» пространство и возвратом из него (Н. Д. Тамарченко). Ассоциативная связь этих пространств в сознании персонажа с положительными эмоциями, маркирующими «свое» пространство, и отрицательными эмоциями, характеризующими «чужое» пространство, определяется общими принципами реализации универсальной оппозиции «свое-чужое» и авторской интенцией. Перемещение персонажа между «своим» и «чужим» пространствами отражает, таким образом, динамику ЭД, или *поэтапность ее актуализации*.

Языковые средства, маркирующие «свое» и «чужое» пространства и коррелирующие с ЭД, можно систематизировать следующим образом:

- языковые средства, маркирующие «свое» пространство и репрезентирующие положительные эмоции персонажа;
- языковые средства, маркирующие приближение к «чужому» пространству и репрезентирующие отрицательные ПРЕД-Э персонажа;
- языковые средства, маркирующие «чужое» пространство и репрезентирующие отрицательную Д-Э (страх) персонажа;
- языковые средства, маркирующие удаление от «чужого» пространства и репрезентирующие положительные ПОСТ-Э персонажа.

«Чужое» пространство в тексте НГР маркируется, в частности, лексикой с семантикой темного цвета (*dark, grey*), большого размера (*immense, towering*) и диспропорции (*rambling, hulking*). Это использование отражает влияние на неоготику эстетических принципов английского предромантизма, в соответствии с которыми категория возвышенного осмыслялась как связанная с эмоцией страха (Е. Burke).

В третьей главе **«Языковые средства репрезентации эмоциональной доминанты страха в тексте неоготического романа»** предлагается схема языкового моделирования ЭД страха в тексте НГР.

Предложенная схема включает три этапа:

- Этап I. Языковое моделирование причин страха;
- Этап II. Языковое моделирование динамики эмоции страха;
- Этап III. Языковое моделирование корреляций между динамикой эмоции страха и пространственной организацией неоготического текста.

Отбор микроконтекстов для анализа языкового материала на трех этапах моделирования ЭД страха обусловлен структурно-композиционной организацией текста НГР. Микроконтексты, выбранные для иллюстрации причины страха и его кульминации, коррелируют со срединным звеном ранее рассмотренной циклической схемы сюжетодвижения («чужое» пространство) (см. выше), в то время как иллюстрирующие нагнетание и угасание страха соотносятся с ее первым звеном (приближение к «чужому пространству») и третьим звеном (удаление от «чужого» пространства).

Проиллюстрируем схему на материале НГР Д. Дюморье ‘Jamaica Inn’. Мастер сюжета Дафна Дюморье повествует о приключениях главной героини Мэри Йеллан в графстве Корнуолл, где находится прибрежный трактир «Ямайка». Дядя героини - владелец трактира и главарь шайки разбойников

занимается контрабандой и грабежом судов. С показом этой преступной деятельности, мрачного трактира, в котором совершаются преступления, и пугающих героиню окрестностей связана доминирующая в романе эмоция страха.

Этап I. Языковое моделирование причин страха

В микроконтексте № 1 описывается противозаконная преступная деятельность – ограбления торговых судов и убийства. Причиной страха выступает один из видов ненормативности в сфере человеческих отношений - *социальная* ненормативность, т.е. отрицательная характеристика морально-правового состояния.

(1) “‘We had to pelt at ‘em all with stones, Mary; we had to break their arms and legs; and they drowned there in front of us, like the woman and her child, with the water not up to their shoulders - they drowned because we smashed them with rocks and stones; they drowned because they couldn’t stand... .’

His face was close to Mary, his red-flecked eyes staring into hers, and his breath on her cheek. ‘Did you never hear of wreckers before?’ he whispered.

<...> He reached out to her and took her hand; it lay limp in his, like a dead hand. Perhaps he saw something of the frozen horror in her face, for he let her go and turned away his eyes” [Jamaica Inn, 133-134].

Языковыми маркерами социальной ненормативности как причины страха (первый компонент эмоционального сценария) являются лексические единицы (далее ЛЕ), обозначающие тип преступников (*wreckers*) и преступные действия (*pelt, break, smash, drown*). В структуре значения данных ЛЕ присутствуют семы ‘kill’, ‘damage’, ‘destroy’ и ‘attack’, обозначающие в контексте событий романа асоциальные действия.

Второй компонент эмоционального сценария формируется эмоцией страха, обозначаемой существительным *horror*.

Третий компонент сценария - реакция на страх описывается с помощью прилагательного *limp*, которое характеризует безвольно лежащую в дядиной ладони руку Мэри. Сравнение *like a dead hand* позволяет акцентировать слабость напуганной героини. Убедительность изображенной эмоции придает эпитет *frozen*, значение которого содержит семы ‘unable’ и ‘to move’. Известно, что при сильном страхе нарушается координация движений и наблюдается общая скованность организма.

Этап II. Языковое моделирование динамики эмоции страха

Языковые средства, объективирующие преддоминантные эмоции

В микроконтексте № 2 описывается важный элемент в сюжетном повествовании - поездка Мэри к родственникам. Покидая родной Хелфорд, героиня испытывает смешанные эмоции одиночества и тревоги, которые свидетельствуют о нагнетании страха и являются ПРЕД-Э.

(2) “She sat huddled in her corner, swaying from side to side as the coach was shaken, and it seemed to her that never before had she known there was malevolence in solitude. The very coach, which all the day had rocked her like a cradle, now held a note of menace in its creaks and groans” [Jamaica Inn, 19].

В микроконтекст № 2 включено существительное *solitude*, обозначающее одиночество, т.е. дающее имя эмоции. Эффект описания эмоции усиливается на уровне ближайшей комбинаторики: ЛЕ *solitude* образует единый эмоционально-оценочный ряд с существительным *malevolence* (*malevolence in solitude*). Имплицирующие компоненты текста - детали описания места, которое Мэри занимает в карете (*in her corner*), её поза, говорящая о неуверенности (*huddled*), настораживающие скрипы и «стоны» кареты (*coach <...> held a note of menace in its creaks and groans*) – все это указывает на не покидающее героиню чувство тревоги. В контексте существительных *menace* и *malevolence*, характеризующихся отрицательной узуальной оценкой, в ЛЕ *huddled* актуализируется сема ‘frightened’.

Нагнетание страха в микроконтексте фиксируется посредством обстоятельственных лексических показателей фазовости *all the day*, *never before* и *now*. Если в начале пути (*all the day*) езда в карете успокаивала девушку (*rocked her like a cradle*), то сейчас (*now*) она её настораживает и тревожит. Обстоятельственный лексический показатель фазовости со значением «предбытия» (Д. В. Кузнецов) фиксируется стилистической инверсией (*never before had she known there was malevolence in solitude*) и акцентирует начальную фазу нагнетания страха: Мэри впервые переживает одиночество, таящее в себе нечто недоброе. Временная форма сказуемого (*had <...> known*) свидетельствует об отсутствии подобного эмоционального опыта в прошлом. Глагол в форме перфекта обозначает действие, которое приводит к новому состоянию, подводя или подготавливая этот переход. Новое эмоциональное состояние определяет дальнейшее развитие повествования и подтверждает динамику анализируемой эмоции.

Языковые средства, объективирующие доминантную эмоцию

В микроконтексте № 3 описывается знакомство Мэри с дядей, который, как показывают дальнейшие события, и мертвый внушает ей страх. Знакомство родственников относится к важным сюжетным событиям романа:

(3) “Mary sat very still, gripping the sides of her chair. She dared not move for fear of that swift changing of his mood which she had observed already, and which would turn him from this sudden intimate tone of confidence to a harsh and coarse brutality. ‘They’re all afraid of me,’ he went on; ‘the whole damned lot of ‘em. Afraid of me, who’s afraid of no man’” [Jamaica Inn, 30-31].

В процитированном микроконтексте страх обозначается с помощью существительного *fear*: героиня настолько напугана, что боится пошевелиться (*dared not move*). К компонентам текста, имплицирующим доминирующую

эмоцию, можно отнести языковые средства в составе портретных (*harsh and coarse brutality*) и речевых деталей образа дяди, которого все в округе боятся (*They're all afraid of me, the whole damned lot of 'em. Afraid of me, who's afraid of no man*).

Кульминативный характер страха (аффект) маркируется в тексте ЛЕ *gripping* и *still*, которые описывают неконтролируемость рук и неподвижность героини. Эта интерпретация подтверждается актуализацией семы 'motionless' в значении прилагательного *still*, а также «семантическими переключками» (Ю. И. Левин) между ЛЕ *still*, *lifeless* и *dead* [Roget's Superthesaurus, 2003]. Героиня «до смерти» напугана.

Языковые средства, объективирующие постдоминантные эмоции

После убийства родственников и ареста банды Мэри Йеллан готова покинуть трактир, ведь её в нем больше ничто не удерживает.

В микроконтексте № 4 представлено эмоциональное состояние героини, которая бродит по окрестностям, размышляя о скорой поездке домой. Близость отъезда, отсутствие угрозы со стороны дяди и, как следствие, новое, положительное восприятие пейзажа, вызывают у девушки противоречивые эмоции апатии и ностальгии. Они свидетельствуют об угасании страха и являются ПОСТ-Э.

(4) "The moors were bleak still, and the hills were friendless, but their old malevolence had vanished, and she could walk upon them with indifference.

She was at liberty now to go where she would, and her thoughts turned to Helford and the green valleys of the south. She had a queer, sick longing for home in her heart and the sight of warm, familiar faces" [Jamaica Inn, 294].

Апатия и тоска героини по дому описываются посредством словосочетаний *with indifference* и *longing for home*. Многоступенчатый дефиниционный анализ ЛЕ *indifference* подтверждает отсутствие в ней смыслов страха и тревоги. В то же время в значении ЛЕ *longing* актуализируется сема 'strong', свидетельствующая о силе ностальгических чувств. К компонентам микроконтекста, имплицитно отсутствию страха, относятся и языковые средства в составе пейзажных деталей *The moors were bleak still, and the hills were friendless* и *old malevolence had vanished*. Пустошь в восприятии героини остается суровой, а холмы неприветливыми, но они больше не внушают ей страха. Отрицательная оценочная нагруженность эпитетов *friendless* и *bleak* в описании пейзажа нейтрализуется положительной эмоционально-оценочной направленностью детали *old malevolence had vanished*, которая вводится в текст с помощью противительного союза *but*, обеспечивая реализацию эффекта «обманутого ожидания».

Динамика эмоции репрезентируется в тексте видо-временной формой глагола *had vanished*. Фазовая сема 'stop', актуализируемая в его семантике, указывает на прекращение воздействия сурового (*bleak*) и неприветливого

(*friendless*) пейзажа на героиню, что, в свою очередь, имплицитно утасание подавлявшего её страха.

Этап III. Языковое моделирование корреляций между динамикой эмоции страха и пространственной организацией неоготического текста *Языковые средства, маркирующие «свое» пространство*

«Свое» пространство - благодатный небольшой городок, где Мэри Йеллан счастливо жила с родителями, маркируется в тексте романа топонимом *Helford*. Всё в этом городке кажется героине «своим»: и плодородная земля, и добрые, любящие лица.

(5) “How remote now and hidden perhaps for ever were the shining waters of Helford, the green hills and the sloping valleys, the white cluster of cottages at the water’s edge. It was a gentle rain that fell at Helford, a rain that pattered in the many trees and lost itself in the lush grass, formed into brooks and rivulets that emptied into the broad river, sank into the grateful soil which gave back flowers in payment” [Jamaica Inn, 9].

(6) “The old life lay behind - the dear familiar farm and the shining Helford waters. Before her lay the future - and Jamaica Inn” [Jamaica Inn, 15].

В приведенных микроконтекстах описывается восприятие героиней «своего» пространства. Маркирующие его ЛЕ с локальной семантикой *hills, rain, grass, soil, flowers, farm, Helford, waters* наделены положительной контекстуальной оценкой и репрезентируют благодатность и красоту мест природы: кристально чистые воды Хелфорда, покрытые зеленью долины и холмы. Положительная оценочная направленность ЛЕ с локальной семантикой подтверждается включением в описание «своего» пространства эпитетов *gentle, grateful* и *dear*, формирующих единый положительный эмоционально-оценочный ряд. Нейтральное в узусе прилагательное *familiar*, испытывая влияние положительной эмоциональной оценки соположенного эпитета *dear*, также обретает положительные оценочные коннотации. Метафорические образы *gentle rain* и *grateful soil* имплицитно радость и удовлетворение: ласковые дожди и благодарная земля свидетельствуют о хорошем урожае, который не может не радовать человека. Теперь героиня далеко от родины, и это вызывает у неё еще более нежные чувства к своей земле.

Языковые средства, маркирующие приближение к «чужому» пространству

Приближение к «чужому» пространству описывается автором на фоне мрачной погоды и пустынной, неприветливой местности, которые вызывают у героини отрицательные ПРЕД-Э тревоги и одиночества.

(7) “The wind tore at the roof, and the showers of rain, increasing in violence now there was no shelter from the hills, spat against the windows with new venom. On either side of the road the country stretched interminably into space. No trees, no lane,

no cluster of cottages or hamlet, but mile upon mile of bleak moorland, dark and untraversed, rolling like a desert land to some unseen horizon” [Jamaica Inn, 19].

«Промежуточное» пространство между «своим» и «чужим» пространствами маркируется лексикой с локальной семантикой *moorland* и *country*. В тексте эти ЛЕ наделяются окказиональной отрицательной оценочной направленностью и имплицитно тревогу девушки. Функционально-семантической трансформации ЛЕ способствует отрицательная эмоционально-оценочная коннотация соположенных ЛЕ *bleak*, *violence* и *venom*. Фоновые знания усиливают эмотивно-прагматическое воздействие микроконтекста на читателя: вересковая пустошь ассоциируется в англосаксонской культуре с тёмными демоническими силами (J. Simpson, S. Roud). О приближении героини к трактиру и нарастающем чувстве тревоги свидетельствует реализуемая на уровне предложения пейзажная деталь, изображающая кажущуюся бесконечной мрачную и необжитую местность (*On either side of the road the country stretched interminably into space*).

Помимо тревоги в процитированном микроконтексте имплицитно еще одна эмоция Мэри - одиночество. Основанием импликации служит конвергенция стилистических средств, изображающих запустение мрачной местности, а именно: перечисление, усиленное асиндетоном (*No trees, no lane, no cluster of cottages or hamlet*), образное сравнение (*like a desert land*) и парцеллированные эпитеты (*dark and untraversed*).

Языковые средства, маркирующие «чужое» пространство

«Чужое» пространство в анализируемом тексте маркируется ЛЕ с локальной семантикой *Jamaica Inn*. Топоним занимает сильную позицию заглавия романа, которое, как известно, связано с ЭД художественного текста (Н. А. Николина). Как и в любом НГР, «чужое» пространство характеризуется отрицательной оценкой в сознании персонажа и репрезентирует его страх.

(8) “It was a dark, rambling place, with long passages and unexpected rooms. There was a separate entrance to the bar, at the side of the house, and, though the room was empty now, there was something heavy in the atmosphere reminiscent of the last time it was full: a lingering taste of old tobacco, the sour smell of drink, and an impression of warm, unclean humanity packed one against the other on the dark-stained benches” [Jamaica Inn, 36].

В микроконтекст № 8 включены существительные с локальной семантикой *place*, *passages*, *rooms*, *entrance*, *bar*, *house* и *benches*, формирующие интерьерные детали описания «Ямайки». Под влиянием сочетания с прилагательным *dark*, которое актуализирует в тексте свое вторичное значение (‘evil or threatening’) [Longman Dictionary of Contemporary English] (далее LDCE), нейтральные в узусе ЛЕ обретают отрицательную окказиональную оценку, а номинируемые ими предметы воспринимаются героиней со страхом. Прилагательные *rambling*, *long*, *dark-stained* и причастие *unexpected* в составе деталей интерьера используются для описания мрачного и нелепого здания трактира с длинными коридорами и

замысловато расположенными помещениями. Указанные ЛЕ содержат семы 'disproportion' (*rambling*), 'size' (*long*) и 'color' (*dark-stained*). Отрицательные в контексте романа (См. ранее на с. 12 о влиянии эстетики предромантизма на готику/неоготику), эти характеристики «чужого» трактира олицетворяют внутренний мир его хозяина, внушающего страх героине.

Языковые средства, маркирующие удаление от «чужого» пространства

После гибели родственников Мэри покидает зловещий трактир («чужое» пространство) и возвращается в родной Хелфорд («свое» пространство).

В микроконтекстах № 9, 10 описывается Хелфорд и ностальгические чувства героини, удаляющейся от мрачных мест.

(9) “She was at liberty now to go where she would, and her thoughts turned to Helford and the green valleys of the south. She had a queer, sick longing for home in her heart and the sight of warm, familiar faces. The broad river ran from the sea, and the water lapped the beaches. She remembered with pain every scent and sound that had belonged to her so long, and how the creeks branched away from the parent river like wayward children, to lose themselves in the trees and the narrow whispering streams” [Jamaica, 294].

(10) ““And I am going back to Helford because of it. I’m homesick, Jem; I want to smell the river again and walk in my own country”” [Jamaica Inn, 296].

В микроконтексте № 9 лексика с локальной семантикой *Helford*, *alleys*, *faces*, *river*, *streams*, *country* и *home* используется для описания «своего» пространства. Окказиональная положительная оценка перечисленных языковых единиц подтверждается включением в микроконтекст эпитета *warm*, с помощью которого автор изображает теплое отношение героини к проживающим в Хелфорде людям; прилагательное *warm*, реализующее эпитет, актуализирует в тексте вторичное значение (*friendly or making someone feel comfortable and relaxed*) [LDCE]. О положительной оценке ЛЕ с локальной семантикой свидетельствует и тоска героини по родным местам, которая изображается словосочетанием *queer, sick longing for home*. Ностальгия приводит героиню к твердому решению покинуть трактир. Это намерение описывается в предложении *She was at liberty now to go where she would and her thoughts turned to Helford and the green valleys of the south*. Действиям предшествуют мысли.

В микроконтексте № 10 «свое» пространство номинируется существительными *Helford*, *river* и *country* и характеризуется с помощью эпитета *own*. Ностальгия героини «овнешняется» (М. М. Бахтин) посредством притяжательного местоимения *my*, в котором интенсифицируется сема 'possession', и эмоционального предиката (*am*) *homesick*, подтверждающего положительную оценочную направленность ЛЕ с локальной семантикой. Языковым маркером удаления от «чужого» пространства служит сказуемое с семантикой движения *am going (back)*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование, посвященное языковому моделированию эмоциональной доминанты страха в тексте неоготического романа, позволило прийти к следующим выводам.

Феномен доминанты был первоначально изучен в физиологии, а позднее переосмыслен в гуманитарных науках: эстетике, литературоведении и лингвистике, где был описан как компонент в структуре художественного произведения, функционально направленный на управление, организацию, подчинение и приведение в движение художественного целого. Доминанта структурирует текст, сообщает ему целостность и соподчиненность запрограммированных автором смыслов.

Экстраполяция понятия доминанты на сферу эмотивных смыслов в художественном тексте позволила определить центральное понятие работы – эмоциональную доминанту как поэтапно актуализируемую преобладающую в тексте эмоцию, вербализуемую эксплицитно или имплицитно и имеющую противоположную оценочную направленность, коррелирующую с пространственной организацией НГР.

В результате проведенного исследования удалось разработать схему языкового моделирования эмоциональной доминанты страха в тексте неоготического романа, апробировать её на иллюстративном материале и доказать целесообразность её применения к анализу художественного текста.

Предложенная схема включает три этапа:

- Этап I. Языковое моделирование причин страха;
- Этап II. Языковое моделирование динамики эмоции страха;
- Этап III. Языковое моделирование корреляций между динамикой эмоции страха и пространственной организацией неоготического текста.

На первом этапе схемы осуществлялось языковое моделирование видов ненормативности, которые трактовались как причины страха. Своеобразие предметно-тематической организации неоготического романа дало основание отнести к таким причинам психическую, социальную и информационную ненормативность в сфере человеческих отношений, маркируемые определенными группами тематических слов. Данные виды ненормативности включались в контекст понятия эмоционального сценария.

Моделирование динамики эмоциональной доминанты на втором этапе схемы позволило выделить в её структуре *три этапа актуализации* в тексте неоготического текста как вторичной моделирующей системе: этап преддоминантных эмоций, этап доминантной эмоции страха и этап постдоминантных эмоций. Были выделены и проанализированы актуализируемые на этих этапах языковые маркеры нагнетания, высшей степени переживания и угасания страха. С опорой на общие положения моделирования, как то целостность, достоверность и огрубление воспроизводимого в модели явления, была реконструирована динамика реальной эмоции страха и систематизированы те языковые средства, которые используются автором для воспроизведения в художественной модели.

Как показал анализ языкового материала, нагнетание и угасание страха моделируется в тексте с помощью языковых единиц, в значении которых эмосема «fear» интенсифицируется либо деинтенсифицируется, а также с помощью языковых и речевых средств с фазовой семантикой: лексических, грамматических и контекстуальных. Высшая степень переживания страха (аффект страха) моделируется с помощью языковых средств, фиксирующих его онтологические характеристики: интенсивность, внезапность наступления, краткость и неконтролируемость.

Экспансионизм современной лингвистики (Е. С. Кубрякова) обусловил целесообразность рассмотрения в диссертации ряда философских и литературоведческих категорий с целью наполнения их языковым содержанием. Так, экстраполяция универсальной оппозиции «свое-чужое» на категорию пространства дала основание включить в контекст анализа эмоциональной доминанты предметно-тематическую и структурно-композиционную организацию данного типа текста, поскольку и его предмет изображения, и его сюжет организуются в пространственных координатах текста. Данная оппозиция рассматривалась в диссертации в качестве концептуальной основы моделирования корреляций между динамикой эмоции страха и пространственной организацией текста неоготического романа.

На заключительном этапе предложенной схемы было проведено языковое моделирование вышеупомянутых корреляций. Были выявлены и описаны языковые средства, маркирующие «свое» и «чужое» пространства. Реализуя циклическую схему сюжетодвижения в тексте неоготического романа, эти пространства обуславливают разнонаправленный оценочный вектор эмоций, которые свидетельствуют о динамике эмоциональной доминанты страха (положительные эмоции - отрицательные преобладающие эмоции - отрицательная доминантная эмоция (страх) - положительные постдоминантные эмоции). Языковые средства с локальной семантикой, формирующие пейзажные и интерьерные детали, а также лексика с семантикой движения рассматривались в качестве косвенного способа репрезентации динамики эмоций.

Перспективу исследования может составить выявление специфики моделирования эмоциональной доминанты различных фундаментальных эмоций на материале других типов текста и произведений иных авторов. Предлагаемая в диссертации схема языкового моделирования эмоциональной доминанты страха может быть применена при лингвистическом описании положительных и отрицательных фундаментальных эмоций и выявлении специфики их вербализации в художественных текстах разной временной принадлежности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Пашков С. М. Языковые средства моделирования пространственно-временных характеристик неоготического романа: эмотивный аспект [Текст] / С. М. Пашков // Вестник Ленинградского государственного

университета им. А. С. Пушкина. – СПб., 2014. - № 1. - Том 7: Филология. - С. 95-102. (0.4)

2. Пашков С. М. Структура эмоциональной доминанты в тексте неоготического романа [Текст] / С. М. Пашков // Научное мнение. Философские и филологические науки, искусствознание: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2015. - № 5. – С. 78-84. (0.4)

3. Пашков С. М. Эмоциональная доминанта страха в контексте оппозиции «свое-чужое» (на материале неоготического романа А. Мердок «The Unicorn») [Текст] / С. М. Пашков // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2015. № 5 (29). С. 92-100. (0.7)

4. Пашков С. М. Специфика моделирования эмоциональной доминанты страха в готическом и неоготическом романе: опыт сравнительного анализа [Текст] / С. М. Пашков // Иностранные языки. Герценовские чтения: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 23-24 апреля 2012 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 46-47. (0.06)

5. Пашков С. М. Эмоциональная доминанта страха как дистинктивная характеристика неоготического романа [Текст] / С. М. Пашков // Studia Linguistica. Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения. – СПб., 2012. – Вып. XXI. – С. 299-304. (0.2)

6. Пашков С. М. Языковые средства моделирования субъекта эмоции «страх» в тексте неоготического романа [Текст] / С. М. Пашков // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 16-17 мая 2013 г. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 39-40. (0.1)

7. Пашков С. М. Природа и функции «амбивалентного» в неоготическом романе [Текст] / С. М. Пашков // Studia Linguistica. Язык. Текст. Дискурс. Современные аспекты исследований – СПб., 2013. – Вып. XXII. – С. 210-214. (0.2)

8. Пашков С. М. Схема языкового моделирования эмоциональной доминанты страха в тексте неоготического романа [Текст] / С. М. Пашков // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 15-16 мая 2014 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С. 53-55. (0.08)

9. Пашков С. М. Динамика эмоциональной доминанты страха в неоготическом романе и языковые средства ее формирования [Текст] / С. М. Пашков // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 14-15 мая 2015 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. – 2015. С. 41-43. (0.07)

10. Пашков С. М. К вопросу о тематической организации неоготических текстов [Текст] / С. М. Пашков // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 14-15 апреля 2016 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. – 2016. С. 27-28. (0.05).